

199
мя другими дверьми вошёл туда Визирь, и сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, а Посолъ на посаженномъ для него на супрошивъ шабуренѣ. Потомъ Визирь прислалъ къ Послу Переводчика Порты спросить о его здоровьѣ; по отвѣстѣ же здѣланномъ на то Посломъ съ приличнымъ отвѣтомъ отъ него привѣтспвіемъ, какъ мѣшкаль Визирь его просить въ Нисанджинскую лавку въ силу договора, то Посолъ послалъ къ нему Переводчика Порты сказать, что онъ самъ туда перейдетъ, еслили сіе приглашеніе отъ него замедлится: по чему и пришелъ къ нему тотъ часъ Переводчикъ Порты, просить его отъ Визиря въ ту Нисанджинскую лавку. Въ слѣдствіе чего отътуда перешедъ, сѣлъ среди оной по правую сторону Нисанджія: тогда начался судъ, которой продолжился не болѣе получаса. По окончаніи онаго Визирь послалъ Рейсѣ Ефендія съ письменнымъ докладомъ къ Султану, о допускѣ Посольскомъ. Когда Рейсѣ Ефендіи возвратился съ Султанскимъ Ферманомъ, посавлены были столы. Съ Визиремъ обѣдалъ Посолъ одинъ; съ Кашишанъ Пашею Маршалъ, два Секретаря Посольства и Дюкѣ де Брагансѣ, которой шутъ былъ въ числѣ Кавалеровъ Посольства. Сии же обѣдали за Нисанджинскимъ и Тефпердарскимъ столами. Во время обѣда Высочайшая Грамота держана была по переѣнкамъ Дворянами Посольства. По окончаніи обѣда, Посолъ возвратился въ Нисанджинскую лавку, и тамъ исполнены были прочія Турецкія обыкновенія, какъ то умываніе и окуриваніе. Послѣ того выведенъ былъ Посолъ и посаженъ на одной лавкѣ, на половинѣ дороги отъ Дивана до послѣднихъ воротъ Серальскихъ. На семъ мѣстѣ надѣта на него соболья шуба покрытая парчею, а на Маршала и Секретарей Посольства горностаевыя; свѣтъ же роздано сподкафановъ. Между тѣмъ нѣсколько Шпалмейстеровъ